Достоевский Ф. М. 9/11-91

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать...»

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать...».

Так, будучи еще совсем юным, определил сверхзадачу своего творчества Ф. М. Достоевский. Наследие писателя стало предметом изучения многих поколений людей в познании себя и своего времени. Эта задача остается злободневной тем более сегодня, когда мир вновь ввергается в пучину ненависти и страха. В середине октября наша газета опубликовала полосу, посвященную размышлениям Ф. М. Достоевского о русском народе. «Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его»... Эти слова писателя стали лейтмотивом тех откликов, которые пришли в редакцию. И первыми откликнулись ученые, предложившие собрать под эгидой газеты «круглый стол», чтобы обстоятельно обсудить, как мысли, высказанные Достоевским, влияют на нашу современную жизнь.

Итак, за «круглым столом» собрались Масхуд Садыкович **ДЖУНУСОВ**, доктор философских наук, ведущий сотрудник Института социологии АН СССР; Михаил Владимирович **ИОРДАН**, доктор философских наук, ведущий сотрудник лаборатории философских проблем этнологии Института философии АН СССР; Наум Зосимович **ЯРОЩУК**, кандидат философских наук, доцент Российской академии имени Плеханова; Владимир Филиппович **ГРЫЗЛОВ**, кандидат философских наук, ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии АН СССР; Олег Алексеевич **БЕЛЬКОВ**, доктор философских наук, профессор Военной академии Генштаба; Михаил Арамович **МНАЦКАНЯН**, доктор философских наук, ведущий преподаватель МГИМО; Эдуард Федорович **ВОЛОДИН**, профессор, доктор философских наук, политический обозреватель газеты.

Начиная разговор за «круглым столом» Э. Ф. Володин отметил, что Ф. М. Достоевский приходит к нам со своим пророческим видением России, русского народа, всемирной истории. Мы все отчетливее понимаем, что он наш современник, помогающий найти точку опоры в жизни и осознать смысл происходящих событий. Он выразил надежду, что и этот разговор за редакционным столом будет посвящен осмыслению значения творческого наследия гения и пророка России для наших дней.

М. С. Джунусов: Свою тему я обозначил бы так: «Человек и человечество в произведениях Достоевского». Несколько лет назад был провозглашен приоритет общечеловеческих интересов. Если подходить с точки зрения иерархической системы, общечеловеческие ценности — это научно. Но сегодня мы можем констатировать, что в нашем обществе получило распространение явление, связанное с отрывом общечеловеческих ценностей от всей системы жизненных явлений. Трактовать общечеловеческие ценности абстрактно, в отрыве от системы социальных ценностей — значит забывать об Отечестве. Только патриотизм фиксирует определенность отношения общества к Отечеству. У великих русских гуманистов, как и, в частности, у Достоевского, эта идея выражена определенно: служить человечеству в народе. Без любви к своей Родине, Отечеству, не может быть любви к человечеству. Проблема стоит так: ответственность личности перед Отечеством, и ответственность Отечества перед личностью. И это требует осмысления. Ибо сегодня, как мне кажется, в нашей стране остро встала проблема патриотизма.

За тысячу лет своего существования страна раздвинула свои пределы на западе до Балтики, на востоке—до Тихого океана, до Америки, до Японии, на юге почти до границ Индии, на севере—до Северного полюса. Россия стала самой большой страной мира. Гигантская часть земного шара сформировалась в российском государстве. Русские оказались включенными в водоворот событий многих других народов, здесь переплелись жизни, традиции, войны, революции, радости, печали миллионов и миллионов. Нельзя переоценивать, но нельзя и недооценивать роль русского народа в развитии мировой цивилизации. Охаивать, очернять историю России — преступление.

Россию не раз пытались поставить на колени. Но всякий раз находились Кутузовы и Жуковы, Минины и Пожарские. Любое поколение русского народа будет иметь Мининых и Пожарских, и пока они будут, в русской земле всегда будет свобода. Это завет Достоевского. И все же нас, безусловно, интересует день нынешний. И мы не можем не признать, что произошел у части населения демонтаж патриотических ценностей в нашей стране. Патриотизм — это целая система ценностей, это мотив социальных действий, это, наконец, сгусток народной энергии. Я указал бы на четыре направления этого демонтажа: разрушение моральных стимулов к труду, здесь не только экономические потери, но духовные и моральные. Второе: дегероизация отечественной истории. Третье: игнорирование патриотических традиций. И последнее — насаждение психологии пренебрежения к армии, я бы назвал это армиефобией. Борясь с проявлением шовинизма, национализма, нельзя предавать забвению патриотизм, национальную гордость.

Вспомним слова Достоевского: стать русским—значит, стать братом всех людей на планете. В русском человеке заложены возможности для реализации общего счастья, общечеловеческих ценностей. Для достижения счастья человек должен личные интересы подчинить интересам семьи, далее избавиться от семейного эгоизма во имя интересов общества, преодолеть индивидуальный, групповой, национальный эгоизм. Это касается всех — русских, немцев, французов, но и рабочих, колхозников, а также атеистов и верующих... Социальные качества, безусловно, проявляются в каждом из нас. Человек не может сразу включиться в понятие «человечество», это долгий и трудный путь. И это открываем мы, читая Достоевского.

О. А. Бельков: Федор Михайлович Достоевский в наше время едва ли не общепризнанный авторитет. Но в нем ищут и находят разные идеи. Одни подчеркивают его приверженность религии, святость. Другие — славянофильство, третьи — всечеловечность. Можно приводить вовсе не совпадающие взгляды тех или иных комментаторов. Я думаю, речь идет не о том, что Достоевский противоречив, а о том, что многогранен народ, о котором он говорил, и противоречива история этого народа. Величие Достоевского как раз в том, что он доходил до самых глубин в познании и отдельного человека, и народа в целом. В этой связи сегодня его значимость для нас не менее интересна и важна. Бердяев писал: «В Достоевском нельзя не видеть пророка русской революции». Он писал это относительно Великой Октябрьской социалистической революции.

И в этой связи нельзя не видеть, как перекликаются те боли, о которых предупреждал, предвосхищая будущую историю, Достоевский, как они повторяются сегодня. Множество описанных Достоевским ситуаций угадывается в наших сегодняшних процессах. И если все это обобщить, то можно сказать, что либеральная интеллигенция сегодня по существу втягивается и готовит собственными силами новую катастрофу. Октябрьский переворот поднял низы. Сегодня либеральная интеллигенция, обещающая золотые горы народу и бесконечно обсуждающая проблемы справедливости, будит, по Достоевскому, «маленького человека». А будучи разбуженным, он вдруг обнаруживает, что у «маленького человека» проявляется и ротшильдовская жажда богатства, и наполеоновская жажда власти. И «маленькие человеки» становятся уже разрушительной силой. В каждом индивиде есть и созидательное, и разрушительное начало. Какое из них победит? Всегда ли думают об этом те, кто обращается к массам, обещая завтрашнее счастье, мало ориентируясь на то, чего же эти люди на самом деле хотят.

Исследуя судьбы «маленьких людей», Достоевский показал, что социальная драма их в постоянном унижении их личного достоинства, пренебрежении их индивидуальностью. Эту драму в условиях утверждавшегося капиталистического строя увидел Достоевский, против нее выступил. Сегодня ущемление личности, постоянное оскорбление достоинства человека у нас сплошь и рядом. Если прикинуть, как долго сегодня мы ждем, как вся наша жизнь проходит в очередях, то разговоры о грядущем путче должны бы стать не обвинением неизвестных заговорщиков второго или третьего уровня, а поиском тех реальных процессов, которые в каждом человеке в повседневной жизни будят накапливаемое недовольство, которое может вылиться во взрыв. И выход в том, чтобы устранять социальные условия, взрыв порождающие.

М. В. Иордан: Я хотел бы остановиться на русскости Достоевского. Обозначу лишь некоторые грани этой темы. В чем же состоит эта русскость, независимо от того, говорим ли мы о Пушкине, о Достоевском или о других вершинах русской культуры. Русскость — ядро духовности русского народа, нравственная сердцевина духовного облика русской нации. Мне кажется, ныне обострилась проблема духовного оскорбления и индивида, и народа в целом...

Достоевский говорит об опасности забвения всякой меры во всем. Заметьте: всегда почти временное и преходящее является как бы неким наваждением. Желание хватить через край, слепая жажда дойти до пропасти, заглянуть в самую бездну, а то и броситься в нее вниз головой. Иногда тут просто нет удержу: любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть... Тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отучиться от всего: от семьи, обычаев, Бога... Но зато с такой же силой, с такой же стремительностью, такой же жаждой самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, спасает себя сам. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок к самоспасению всегда бывает серьезнее прежнего порыва, порыва отрицания и саморазрушения. Мне эта мысль кажется исключительно важной у Достоевского.

Н. З. Ярощук: Я бы хотел вернуться к проблеме патриотизма. Почему произошли деградация, демонтаж, откуда это идет? Мы стали свидетелями разнонационализации, прежде всего в отношении русских. Прибалтийские нации сохранили чувство национального достоинства больше в силу целого ряда причин. У них эта разнационализация не произошла. А в русской нации в значительной мере произошла разнонационализация...

Хочу с похвалой отозваться о русификации. Как правило, мы говорим об этом в негативном плане, со знаком «минус». Однако возьмем героев войны 1812 года. Или декабристов: Пестель, Кюхельбекер абсолютно не русские, немцы, но—российские патриоты! Вот эта русификация, то есть умение встать на службу русской нации добровольно, вполне сознательно представителей других наций: нерусские—они в то же время и русские.

Для того, чтобы нам быть похожими на Достоевского, который был самым русским из всех русских, надо, по-видимому, осуществить русификацию самих русских. Многие разрусифицировались. То есть отношения внутри самого народа к представителям других народов и вне их очень взаимосвязаны.

М. В. Иордан: Суть выступления Наума Зосимовича о русификации разделяю. Но нужно употребить другой термин: не русификация — это связывается с насильственным обрусением. Есть термин, который употребляется в западной социологии,— русинизация, то есть когда русская идея не сверху, а снизу воспринимается как русскость. Поэтому, когда мы говорим, что Багратион русский, мы понимаем, что насильственно его к этому никто не подвигал. Он русский по духу

Или взять вопрос, который поднял Наум Зосимович: почему русская нация великая в полном смысле этого слова, почему она все-таки подверглась денационализации и деэтнизации. Думаю, дело в том, что мы еще не стали гражданским обществом. У нас личностное, индивидуальное начало пока еще под спудом. Поскольку мы еще являемся плохими гражданами, недостаточно хорошими коллективистами, это и привело к тому, что мы в большей мере и скорей других подверглись денационализации, скорее, чем другие западные нации. А ведь интеграционные процессы действуют и на Западе, и у нас, но тем не менее такое различие чувствуется.

Э. Ф. Володин: Процесс денационализации, о котором здесь говорилось, действительно может иметь внутри себя как одну из причин, объясняющих сам процесс, и отсутствие гражданской личности. В то же время процесс этот объясняется и тем, что национальные фундаментальные принципы в течение трех десятилетий игнорировались. Для меня это одно из объяснений...

В. Ф. Грызлов: Под русификацией обычно понимают политику. Согласиться с политикой русификации никак нельзя. Другое дело, что порой происходит добровольный переход из одного народа в другой, и переход этот даже не осознается. Выступать против этого, думается, совершенно бессмысленно. Это происходит естественным путем.

Как понимал Достоевский национальный вопрос в России? Для него это был прежде всего вопрос о предназначении русского народа, его роли в истории, вкладе в достижения мировой цивилизации. Есть у этого великого писателя и мессионистские идеи. На мой взгляд, он несколько преувеличивает роль православия в развитии русской духовности. Но главное, что сразу бросается в глаза: это государственный подход и исключительное чувство ответственности. Мне кажется, современным нашим политикам именно этого часто не хватает... В условиях, когда наше Отечество переживает один из глубочайших за всю свою историю кризисов, когда разрушены и почти не прослеживаются организованные социально-политические силы, которые способны к созидательной деятельности, патриотическую направленность художественных произведений Достоевского, публицистики трудно переоценить.

Поистине ни один писатель не говорил столь много о мерзостях русской жизни, как Достоевский. Но дело в том, как относиться к этим мерзостям. Злорадствовать, ёрничать? Это делают нынешние публицисты. А, что у Достоевского? — страдание. Он пишет с болью, но видит светлое. Даже у крепостного русского мужика он разглядел почти женственную нежность. Достоевский гениально раскрывает противоречивость духовного мира русского человека. «Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы»—читаем в «Дневнике писателя».

Или мысль всемирной отзывчивости как черта национального русского характера. Русская литература на протяжении веков впитывала в себя ценности других наций, и вместе с тем щедро делилась с ними своими достижениями. Речь идет о творческом усвоении, взаимообогащении. Копирование, что часто встречаем теперь и в сфере культуры, и политической, экономической жизни, по Достоевскому, чуждо основам жизни нашего народа, основам нашей культуры...

В условиях, когда национальный вопрос продолжает обостряться, все эти идеи имеют исключительное значение, потому что только путем согласования интересов можно решать проблемы национальных взаимоотношений на современном этапе, ни в коем случае не противопоставляя русский народ другим народам. В любом случае, и это, как мне кажется, заложено во многих высказываниях Достоевского, надо стремиться к согласованию интересов, потому что объективно продолжают существовать и общие интересы, они никуда не делись, и объективно продолжает существовать очень большая смешанность населения. В русском народе остается большая тяга к дружбе, сотрудничеству с другими народами. То, что у нас результаты референдума игнорируются, история не простит.

М. А. Мнацканян: Если взять такую на сегодняшний день запутанную проблему, как проблема национального самосознания, патриотизма, шовинизма, национализма, то в произведениях Достоевского мы находим очень интересный материал, который как бы проливает неожиданный дополнительный свет на наши современные дискуссии по этим конкретным вопросам. Существует распространенная точка зрения о Достоевском, как о человеке, у которого очень сильно развиты националистические тенденции. Да, у Достоевского есть определенные высказывания, которые можно воспринять как национальное высокомерие. Но не они определяют его мировоззрение. В его наследии на первый план выходит проблема патриотизма. Патриотизм Достоевского практически совпадает, как мне кажется, с его русским национальным самосознанием. Почему? — Достоевский прекрасно знает русский народ, верит в созидательные его силы. Он хорошо знает, что прогресс развития русского народа, связан с национальными ценностями, которые являются внутренними источниками саморазвития русского народа. Но вместе с тем он прекрасно знает о его сотрудничестве, братстве с другими народами. Важным источником развития народа считает Достоевский и объединение с цивилизацией, включение его в мировой процесс.

Когда мы сегодня ведем спор о национальном самосознании, мы должны иметь в виду, что часто национальное самосознание связывается с национальной ограниченностью, сепаратизмом. Да, эти понятия можно путать. Но есть и принципиальный пункт, где их можно развести. Если человек действительно патриот, если у него высоко развитое национальное самосознание, он доходит до понимания истинных национальных интересов и потребностей развития нации. Он ставит при этом вопрос об источниках развития и прогресса. И здесь он не может не понимать того, что важнейшим источником сегодня, независимо от того, насколько богаты национальные ценности, богаты материальные ресурсы и т. д., является сотрудничество с другими народами, обмен материальными, духовными и всеми другими ценностями. Национальное самосознание—это и есть поворот к другим народам, поиск путей объединения в то время, как национализм — это национальный эгоизм, это сепаратизм, это отгораживание от других народов.

М. В. Иордан: Мне хотелось бы сказать пару слов о тех упреках, которые бросали некоторые корреспонденты в адрес Достоевского, обвиняя его в том, что он питает определенные антипатии к евреям. Это очень деликатная и сложная тема, но мне кажется, что, рисуя реалистический портрет Достоевского, упускать того, что объективно есть в наследии Достоевского, не следует. У Достоевского понятие «еврейский вопрос» взято в кавычки. Он говорит: это настолько сложный вопрос, что сам он не может быть знатоком этой огромной проблемы, он касается лишь определенных вопросов этой сложной проблемы, высказывает свое мнение.

С моей точки зрения, сердцевина проблемы состоит в том, что русский народ, если говорить о разгадке, не был угнетенным народом. Он был в большей мере угнетен социально, но не был национально-этнически угнетен. А тот народ, который не угнетен, не может до конца понять душу другого, угнетенного, народа. В этом я вижу разгадку хода размышлений даже для такого гениального мыслителя, каким был Достоевский. Сам Достоевский подчеркивал, что можно понять только то, что сам выстрадаешь. Мне кажется, это важно для анализа современной национальной ситуации. Достоевский может помочь нам понять ту межнациональную ситуацию, которая сложилась после событий августа 1991 года.

Сейчас нарастает волна национальных распрей, и в этом плане ответ, который дал нам Достоевский о том, каким образом регулировать и национальные отношения чрезвычайно поучителен: «...но да здравствует единение, да здравствует братство...». Имеется в виду братство тех народов, которые в тот момент полемизировали, да и сейчас полемизируют. Он стал выше себя. Он остался при своем мнении, но закончил на оптимистичной ноте. И в этом проявилась его истинная русскость. Если взять на вооружение наследие Достоевского, то мне кажется, мы можем извлечь уроки и для того, каким образом нормализовать межнациональные отношения.

Э. Ф. Володин: Я бы подчеркнул, это сложнейшая проблема — «русские — евреи» — была по-своему решена Достоевским. Достоевский здесь принципиально последователен. Третью статью из цикла о «еврейском вопросе» он называет «Но да здравствует братство!». Его практически духовное завещание — речь на юбилее Пушкина,—отстающее от помянутой статьи на несколько лет, методологически принципиально соединяет то и другое сочинения и выдержано как позиция. Писатель не откликнулся на просто события, не «шустрил», он выступал с позицией, выстраданной, продуманной. Он провозглашал уважение и братство. Я думаю, что такой поворот решения проблемы, вставшей в нашем расколотом обществе, поможет нам в поисках взаимопонимания. И теперь уже не только между русскими и евреями. А между всеми нациями, которые куда-то затягивают, а на самом деле толкают к самоубийству их так называемые лидеры.

М. С. Джунусов: Величие Ф. М. Достоевского как художника, как мыслителя состоит, кроме всего прочего, и в том, что он открыл нам мир новых явлений. Бесы — явление не русское, это особый тип личности, это синдром настроения и состояние массового темперамента. Без участия бесов, толпы, которых в древней Греции называли охлократами, не обходилось ни одно крупное движение в истории. Не случайно говорят, что бес проклятый водит нас. В парадигме социальных действий бесов и бесовщины отсутствие светлой мысли, четкой программы обновления общества, возбуждение общественного темперамента, необдуманность действий, жажда разрушения чего угодно и когда угодно. Достоевский дал впечатляющие русско-национальные образы бесов и бесовщины. Они в каждом народе проявляются в своеобразной форме. Думается мне, что среди разумных приверженцев обновления страны после 1985 г. была и бесовщина... Разум народа в конце концов воздвигнет противодействие тем, кто задумал бесноваться над народом.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ:

Все объявляют, что они за прогресс; без этого нельзя, это непременное условие. Но что за прогресс, когда мы фактически все еще сидим на европейских учебниках?

Движение вперед — явление нормальное, законное, и Боже нас сохрани противоречить ему! Но отказавшись от того, что было бесплодного и губительного в явлениях нашей прежней жизни, мы унеслись на воздух и отказались чуть ли не от самой почвы. Без почвы ничего не вырастет и никакого плода не будет. А для всякого плода нужна своя почва, свой климат, свое воспитание. Без крепкой почвы под ногами и движение вперед невозможно: еще, пожалуй, поедешь назад или свалишься с облаков. Как не согласиться, что многие явления даже прошедшей, отжившей жизни нашей мы меряли слишком узкой меркой? Мы ко всему сплошь прикидывали наш новый аршинчик торопливо, с заранее готовым взглядом. Мы поскорее хотели успокоить себя, что во всем правы, а это значит—сами про себя боялись: не лжем ли? Даже во многих явлениях, прямо отнесенных нами к «темному царству», мы проглядели почвенную силу, законы развития, любовь. На все это надо выработать взгляд новый, беспристрастный, подальновиднее. Мы уничтожали все сплошь, потому только, что оно старое...

Но покамест у нас еще только раздоры и споры, правда, все о предметах высоких: о русской мысли, о русской жизни, о русской науке и проч. Мы даже дошли до того, что многие из мыслителей наших откровенно спрашивают: «Какая же это русская мысль? Что это за слово такое: народная почва? Откровенность этих вопросов — факт очень значительный и многое оправдывающий. Мы говорим серьезно. Значит, уж очень хочется договориться, коли об этом не затрудняются спрашивать. Впрочем, блаженной памяти «западники» были еще последовательнее: те тоже в крайних случаях никогда не хитрили и прямо говорили, что нам надо сделаться, например, хоть французами. Если они и не высказали этого прямо, то по крайней мере уже раскрыли рот, чтобы высказать, и остановились единственно потому, что поперхнулись... словоо у них в горле поперек стало. Если б Белинский прожил еще год, он бы сделался славянофилом, то есть попал бы из огня в полымя; ему ничего не оставалось более; да сверх того, он не боялся, в развитии своей мысли, никакого полымя. Слишком уж много любил человек! Многие из теперешних стоят на той же точке, на которой остановился Белинский, хотя и уверяют себя, что ушли дальше. Другие наши мыслители, оттого что они во фраках, не хотят признавать себя за народ. Третьи хотят выписывать русскую народность из Англии, так как уж принято, что английский товар самый лучший. Четвертые бродят накануне открытия общих законов, общей формулы для всего человечества, лепят общую всенародную форму, в которую хотят отлить всеобщую жизнь, без различия племен и национальностей, то есть обратить человека в стертый пятиалтынный.

Достоевский может помочь нам...

Участники «круглого стола» доктор философских наук, ведущий сотрудник Института социологии АН СССР Джунусов Масхуд Садыкович, доктор философских наук, профессор Военной академии Генштаба Бельков Олег Алексеевич, кандидат философских наук, ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии АН СССР Грызлов Владимир Филиппович.

Фото А. Красника.

НАШ РАЗГОВОР ЗАВЕРШАЕТСЯ

Э. Ф. ВОЛОДИН: —Наш разговор завершается, хотя проблемы, поднятые в ходе «круглого стола», конечно же, не исчерпывают всего богатства творчества Ф. М. Достоевского. Но принципиально важно сейчас отметить, что вопросы целостности государства, национального своеобразия, духовных ценностей и всечеловеческого единения, над которыми размышлял наш национальный гений, стали вопросами сущностными, приобрели резко выраженное политическое содержание и, значит, превратились в оружие политической борьбы. Отсюда пристрастности, отсюда искажения и нивелирование глубины и всеобщности как самих вопросов, так и ответов, данных на них историей народов и всей человеческой цивилизацией. Достоевский позволяет подойти к этим вопросам с нравственной позиции и духовной, а это само по себе делает духовными и нравственными политические действия и жизнь нашу в этот период смут и раздоров. Он был и остается нашим современником и благо всем нам, что есть от кого услышать слова о единении народов как единственно достойном человека способе понять себя и других.

Публикацию подготовили
Э. ВОЛОДИН, Г. ОРЕХАНОВА.